

УДК 801.3: 800.87 (571.1)
DOI: 10.17223/19986645/74/4

Е.В. Иванцова

**ПРАВИЛА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА
СИБИРСКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО СЕЛА¹**

Анализируются правила речевого поведения в повседневном бытовом общении диалектоносителей. Речевой кодекс реконструировался с опорой на дискурсивные практики диалектной языковой личности типичного представителя старожильческого села среднеобского региона. В системе речевых правил выявлены ядерные и периферийные зоны, определено их своеобразие с учетом результатов предшествующих исследований, установлена соотношенность элементов кодекса с базовыми ценностями традиционной народной культуры.

Ключевые слова: речевое поведение, нормы коммуникации, русские говоры Сибири, народно-речевая культура, языковой ландшафт, диалектная языковая личность

Речевая коммуникация и правила, регламентирующие речевое поведение носителей языка, начали привлекать внимание ученых в период формирования лингвистической прагматики в 60–70-е гг. XX в.

Отталкиваясь от идей логики и философии языка, Г.П. Грайс выдвинул принцип Кооперации, на который опираются участники диалога, и обозначил систему соотносимых с этим принципом постулатов количества (говори не больше и не меньше, чем требуется), качества (говори правду), отношения (не отклоняйся от темы) и способа (выражайся ясно, кратко, последовательно) [1. С. 213]. Хотя автор отмечает, что в коммуникации могут также соблюдаться этические, социальные, моральные постулаты, он рассматривает в качестве главенствующей цели общения передачу информации; развивают эту идею Д. Гордон и Дж. Лакофф [2]. Другие исследователи обратились к анализу этической стороны общения с учетом социолингвистических параметров взаимодействия коммуникантов. Р. Лакофф сформулировала Правила прагматической компетенции, выделив максимы «не навязывай свое мнение», «предоставляй адресату возможность выбрать» и «будь дружелюбен» [3]. Дж. Лич дополнил эти правила Принципом вежливости, который включает постулаты такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [4].

С развитием новых областей науки о языке – психолингвистики, генристики, неориторики, коммуникативистики, когнитивно-дискурсивного анализа – правила речевого поведения (далее также ПРП) начинают иссле-

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

доваться и отечественными учеными ([5–12] и др.). Лингвисты формулируют общие принципы и более частные правила речевой коммуникации, реконструируя систему этих правил, именуемую также Кодексом речевого поведения. В качестве источников анализа используются художественная и публицистическая литература, пословицы и поговорки, значительно реже – фрагменты устной литературной речи. Заметим, что на данный момент конвенциональные ПРП в дискурсивной практике диалектоносителей системно не описаны, хотя отдельные наблюдения над ними встречаются при анализе лексики семантической группы «речь» и метязыкового сознания в местных говорах ([13–15] и др.).

В настоящей статье предпринята попытка описания этих правил, отраженных в речи В.П. Вершининой, 1909 г. рождения, коренной жительницы с. Вершинино Томской области. Вершинино – старожильческое село в 33 км от Томска, основанное, по архивным данным, в XVII в. одним из потомственных казаков, посланным в Сибирь для строительства острогов. На протяжении нескольких столетий вершининцы жили компактной общиной. Основную часть населения деревни составляли потомки ее основателей; по свидетельству старожилов, переселенцев принимали не часто и только после испытательного срока. Миграционные процессы усилились в период перестройки, однако и в наши дни часть семей носит фамилию Вершинины. Эти особенности поселения, в котором длительное время ограниченный коллектив существовал «при относительной хозяйственной, социальной, культурной самодостаточности» [16. С. 63], определили специфику высокой степени сохранности доминант традиционной сельской культуры речевого общения [16] в языковом ландшафте данного локуса. В широком смысле под языковым ландшафтом понимаются не только язык города в различных формах визуализации, но и разнообразие территориальных особенностей региона с акцентом на «особенностях территориальных диалектов в качестве архаических языковых проявлений» [17. С. 37–38].

ПРП диалектоносителей как компонент языкового ландшафта сибирского старожильческого села в соответствии с принципами лингвоперсоналогического анализа выявляются в фокусе диалектной языковой личности типичного представителя вершининского говора.

Источником работы послужил авторский архив магнитофонных записей спонтанной речи информанта, сформированный в течение 24 лет методом включения в языковое существование сибирского села. Такой способ сбора материала, предполагающий долговременное общение в неофициальной обстановке и установление доверительных отношений (см. подробнее [18]), позволяет фиксировать, по образному выражению Н.Д. Арутюновой, максимально близкую к естественной «речь, погруженную в жизнь».

Поскольку ПРП «относятся к сфере молчаливых соглашений между коммуникативно обязанными членами общества» [19. С. 24], встает проблема их выявления. Сущность этих правил обнаруживается в большинстве случаев на тех участках речевой коммуникации, где они нарушаются.

Т.В. Шмелева отмечает, что при осознании субъектом нарушений речевых правил в высказывании эксплицируются метасмыслы, «суть которых состоит или в объяснении мотивов отступления, или в извинениях по этому поводу» – они и позволяют выявлять обычно скрытые значения модуса [7. С. 73]. Ряд исследователей [5; 10–12] также привлекают для реконструкции речевого кодекса пословицы, извлекая из их толкований имплицитные смыслы поведенческих норм.

С учетом упомянутых методик из текстового архива была произведена выборка высказываний, фиксирующих рефлексии сибирской крестьянки в отношении речевого поведения, а также пословицы и поговорки из ее паремнологического фонда. При анализе метасмыслов рассматривались как явные, так и скрытые показания метаязыкового сознания говорящего в их разнообразных проявлениях – от развернутых суждений говорящего о языке до косвенных маркеров (интонация, эвфемизмы, формулы извинения, показатели неуверенности и др.) осмысления и оценки своей и чужой речи [20].

ПРП, реконструируемые из дискурсивной практики информанта, не имеют четкой структуры, иногда не поддаются однозначной интерпретации (в ряде случаев фрагменты живой речи синтезируют одновременно несколько правил), чаще вербализуются как антинормы, на основе которых исследователь должен составить представление о нормах. Все эти факторы осложняют решение поставленной задачи, позволяя очертить контуры речевого кодекса диалектоносителя лишь в первом приближении.

Выявленные правила кажутся весьма разнородными, однако все они прямо или косвенно соотносятся с базовыми ценностями традиционной народной культуры.

1. Центральное место в системе ПРП диалектной языковой личности занимают предписания, ориентированные на **нравственные общечеловеческие ценности**, поддерживаемые традициями крестьянского мира: это дружелюбие, уважительное отношение к людям, честность, порядочность и др. Речевые правила в нашем материале проецируются как на этические, так и на этикетные нормы. Хотя эти понятия не тождественны, «в современных исследованиях преобладает тенденция к сближению этикета с вежливостью и нравственностью» [21. С. 7]. Их тесные связи (и этика, и этикет регулируют жизнедеятельность людей, устанавливая правила поведения; этикет является внешним проявлением этики применительно к конкретным ситуациям) дают основание объединить описание правил соблюдения речевого этикета и отраженных в речи моральных норм.

Одним из основополагающих принципов коммуникации является уважительное общение, тесно связанное с категорией вежливости. В дискурсе В.П. Вершининой рефлексированы разнообразные составляющие вежливости: использование этикетных формул, употребление антропонимов и апеллятивов, особенности произношения, следование принципам доброжелательности, тактичности и скромности. Охарактеризуем ПРП в этой области.

Используя выражения, которые принято произносить в разных ситуациях как знак вежливости. Формулы речевого этикета в ситуациях

установления и завершения контакта, извинения, благодарности и др. часто являются объектом языковой рефлексии информанта. Обычно его внимание привлекает отсутствие этикетных выражений в тех случаях, когда они должны использоваться: *Дак наза́втра и́дёт [сосед, накануне в не-
трезвом виде угрожавший В.П.], смеётся, да́же не сказа́л, что «Тётя Ве-
ра, прости́ меня́», ли «извини́» ли; Они́ при́шли, Мари́на да Ю́ра, по де́ньги
при́шли. Я гово́рю: «А у ме́ня не́ту, ма́ло оста́лось». Кто ё́ зна́т, кода́' да-
ду́т? Ну они́ как в́роде, Ю́ра та́к ту́т си́дел – да́же «до сви́дания» не ска-
за́л, вста́л и пои́шёл; Ни́ «спаси́бо», ни на́сери'д, гово́рю. Пихну́л [де́ньги,
которые бра́л взаймы́] и пои́шёл. Жалко́, трезво́му-то отдава́ть; И от о́на
приде́т, я ей че́-нибу́дь дам [е́ды] – о́на ни́когда' не гово́рит [в благода́р-
но́сть] ни «ца́рьство не́бе'сно», ни́че, [в]ста́нет и пои́дёт. <...> Ну о́на
ненорма'льна. Бо́льна'. Соблюде́ние нормы́ как призна́к ве́жливости отме-
ча́ется ре́же, но все́гда с одобре́нием: А о́ни та́к ве'жливы, хоро'ши. Все́гда
здо́роваются; «Иди́, – гово́рю, – ча́й пи́ть пои́де́м, иди́ ча́й пи́ть!» – «Не́т,
не хо́чу, не хо́чу. Спаси́бо, спаси́бо, уж извини́те, извини́те...» – та́к-то
о́на ве'жлива.*

Крестьянка свидетельствует также, что многие этикетные благопожелания, принятые в прошлом, на рубеже XX–XXI вв. вышли из активного употребления, сожалея об их архаизации: *Захо'дют, че́-нибу́дь дела́ют ли-
бо че́, ли в о́городе че́-нибу́дь дела́ют – [гово́рили] «помога́й ва́м Бог!».
[А е́сли хозя́йка коро́ву дои́т?] «Мо́ре под ко́рмилице́й». <...>
А стра'наишь... стра'наишь ко́да', при́ходят: «Спо́рина' тебе́ в тесто!»
Спо́рина' тебе́ тесто... что́бы спо'ро́ было́, что́бы мно́го было́. <...>
Стира́ли-то – гово́рят. «Бе́ле'нько́ тебе́ в ко́рыто... в ко́рыте». Что́бы
бе'ло́ было́ бельё. <...> И все́ ра'неи́шно э́то. Те́перь и ни́че не ска́жут. Кто
ска́жет? Ра́ньше, пра́вда, негра'мотны́ были, а у'мны́ люди́, все́ равно́.*

Выбирай вежливые формы именования людей. Метаязыковой рефлексии активно подвергаются антропонимы. Одобрительно оценивается уважительное обращение к старшим по имени-отчеству (*Я гово́рю: «Ты са́дила, Шу́ра, ка́ку' мело́чь-то?» – «Не́т, Ве́ра Про́кофье́вна, но'нче не са́дила» – на́вели'чива́т ме́ня*), ласкательные формы имен, обращенные к детям (*У ей же́ [сосе́дки] мно́го вну́чат-то. Восе́мь и́тук у ей. <...> Ни́как не назо́ве́т [гру́бо], все́ «На́таша, О́ля... Же́нечка все́ та́м, Са́шенька да О́лечка да...»*). В метатекстах отражаются и комментарии диалектоносителя, в которых негативную оценку получают имена с суффиксом -к(а) в адрес взрослых, пейоративные имена и прозвища: *Я гово́рю: «Пои́што' та́к зо́ве́шь-то его́? "Ми́шка", ему́ уж ше́ис'я'т... под се'мис'ят ле́т, я гово́рю, ты его́ "Ми́шка"»; Све́кровь-то мо́ю – Фе́досью́шкой¹ на́зываю её! Худо́го-то о́на ме́не ни́че не дела́ла, а из-за Степа́на [уше́дшего из се́мьи] та́к зо́ву; Я её зо́ву «Ни́на Васи́лье́вна». Ну не бу́ду я зва́ть «Ла́бу'жixa», ка́к люди́. Ме́не неудо́бно. Ко́мменти́руются та́кже ка́к откло́нения от нормы́ ве́жливо-*

¹ В вершининском говоре имена с суффиксом -ушк- имеют уничижительную коннотацию.

сти пренебрежительные апеллятивы, используемые при назывании человека: *Тане'рь всё ба'бкими зовут: «Бабке передай».* *Лекса'ндр Иваныч всё говорил: «Бабка у коро'ви»;* *Старушонка-то не приехала? – я-то её старушонкой зову!*

Контролирую употребление сниженных слов. Сниженные слова и выражения (в состав которых входят обсценизмы, бранные необсценные единицы, скатологизмы и злопожелания) не исключаются полностью из лексикона диалектоносителя, но их использование контролируется с учетом ряда факторов. Как нарушение ПРП чаще всего оценивается вербализация бранных лексем и фразеологизмов в присутствии коммуниканта – «в глаза»: *Я говорю ей [сварливой соседке]: «Ты колючка!» В глаза говорю. «Прям, колючка, ка'жного человека ука'лываешь»;* *Ленка пришла, у их был день рожденья, она пришла ко мне. Это, как его, мулинэ'з, ли как ли называют. Взяла баночку. <...> А потом лежу – идут по скамейку. <...> Идут по стопки. Идут по тарелки. И – то всё брали, то то', то друго', всё брали... <...> Лена приходит: «Баб! Соли мне дай». Я говорю: «Ну-у, ядри'т твою мать! У вас и соли нету?» <...> В глаза ей сказала.*

Чем больше дистанция между участниками общения, тем строже отбор сниженных средств. Нарушения этого правила (обычно при общении с образованными горожанами) сопровождаются извинением говорящего: *А Физа сразу: «У нас [в]он Алёнка, дак всё де'лат [по дому в городе]». <...> Я говорю: «А каку' жопу там делать?» – прости ты бог! взяла да так сказала; Я говорю: «Гутя, чижело' тебе приташишь' битончик мне ягодки? Купила бы там, в городе». <...> А [она] свою набрала. Говна' набрала, приташишла мне, извините меня) или признанием неудачного выбора языковой единицы (*Надо было побольше дать [картошки городскому знакомому], да я два [ведра] дала. А он гыт это: «Тебе деньги отдам?» <...> Я говорю: «Ты чё, с ума сошёл?» – на его так. Как-то неудобно получилось у меня тоже. Сказанула).**

Говори доброжелательно. Звуковые особенности вежливого контакта отражаются говорящим обычно через имитирование этикетных просодических признаков: доброжелательного тона, умеренной громкости голоса и демонстрации психологической готовности к общению. Оценочное высказывание крестьянки с подражанием чужой речи иллюстрирует следование такой норме в одном случае и ее нарушение в другом при сходных ситуациях: *Я говорю: «Можно?» – «Можно». Я зашла. Он [мальчик] говорит [передает приветливую, доброжелательную интонацию]: «К бабушке?» Я говорю: «Ага». – «Она, гыт, утром ешо убежала, и всё-то ешо нет!» <...> А мне пондра'вилось, я говорю: не Лексе'я Константи'нычевы [внуки], те бы сказали, как от раньше они ма'леньки были, я помню [изображая, говорит сердито, отрывисто]: «Чё! Нету ма'ми дома, бабушки нету!» – сказали бы. А этот прям тако-ой [приветливый], я говорю, в Гошину породу-то, в эту.*

Как несоблюдение нормы, наряду с недружелюбностью и отрывистостью произношения, расцениваются повышение тона в сочетании с инто-

нациями недовольства, раздражения, язвительности: *Валя сама грубова'та, я посмотрю на её, дак она тоже... сидит да чё-нибудь рявкнет. Груба' всё равно она; Вот вишь кака', так сидит, подку'сывает, подку'сывает [изображает]: «Чё и не было, тапе'рь говорят, чё и не было!»; Я говорю: «Ты чё нава'дился на меня реветь-то таку' беду? – говорю. – Это дома орёшь, дак я говорю, и тут на меня так же, а я тебе чё?»; А я говорю: «А Коля-то де?» А она так взъелась на меня: «О'споди, а я почём знаю? Он не был тут-ка!» <...> А я говорю: «А ты чё? Я тебя чё, обругала ли чё ли, чё ты на меня взъелась?» А она так потише, потише стала.*

Не говори о том, что может задеть чувства собеседника. Вежливость подразумевает также выстраивание деликатного, тактичного общения. Эти нормы «характеризуют обращение субъекта с другими людьми, указывая на то, что субъект избегает делать то, что могло бы вызвать у партнера неприятные чувства»; он ведет себя так, «чтобы партнер не начал испытывать по вине субъекта отрицательных эмоций – обиды, смущения или неловкости» [22].

С учетом бережного отношения к чувствам коммуниканта речевое правило предполагает молчаливое сопереживание при сознательном умолчании говорящего о каких-либо жизненных проблемах, касающихся личной сферы собеседника. Так, крестьянка при общении с близким родственником, у которого неудачно сложилась семейная жизнь, никогда не затрагивает эту тему: *А я, вот он так живёт, плохо, а я никогда-а ему ничё не говорю [об этом].*

При упоминании информантом *вслух* негативных склонностей собеседника или его родственников озвучивается смягчающая нарушение правила просьба не обижаться: *Не-ет, она [односельчанка] упива'т, она только так, не пьёт, как попало, что вот... ну, как например, ты – вслух скажу я, не обижайся. Ты кода' ду'машь, тода' и вы'пнешь. А она не пьёт так. А вот за конпа'нию она пьёт-от!; А я думаю: о'споди, пошто' [калитка открыта]? <...> А потом Ольга приходит, я говорю: «У тебя мамочка вчара' не упива'ла?» Говорю: «Ты не обидься, Оля! <...> Я говорю: «Поди, по вино приходила ко мне, это я так думаю».*

На соблюдение норм деликатного речевого поведения часто указывает маркер *неудобно*: *Конфеты привозили... Ну я не хожу [в магазин] – кого возьму? [А вы бы попросили соуработника.] Неудобно как-то, стеснять её; Направили холодильник Татьяне Васильевне. Она принесёт тоже всё [продукты в холодильник В.П.] – а у меня прям совершенно некуда! И сказать неудобно...; Как-то неудобно её спрашивать [о сыне, сидящем в тюрьме], она всё таит. Осознание языковой личностью того, что ее речевое действие – просьба, отказ, вопрос и т.п. – может вызвать негативную реакцию адресата, блокирует предполагаемое высказывание.*

Скромность как качество человека, «не ставящего личность свою наперед» [23. С. 210], интересующегося людьми, уважающего их и при этом не акцентирующего внимания на себе, диктует в процессе выстраивания коммуникативных отношений с партнером следование правилам паритетного ведения диалога или полилога.

Не говори слишком много о себе. Нарушением правила равного вклада коммуникантов в диалогическое общение является речевое поведение того, кто слишком много говорит о собственной персоне, выставляя себя в лучшем свете: *Аксинья наша говорит: «Хоро'ша Гутя хозяйка, хоро'ша хозяйка!» <...> А Валя-то [изображает]: «А я чё, не хозяйка? А я чё, не хозяйка? Меня не похвалишь? А Гутя кака' хозяйка? Как Иван Васильич [муж Гуты] по'мер, так и коров продала, и... никого, ни овечку, ни телёнка, ни ягнёнка, никого доржа'ть не стала! Хоро'ша хозяйка? Сено не косит ничё! А я? Идино'ка женишына, одино'ка! Мне столько-то лет. И я всё делаю. Гутя с 28-го, а я с 38-го хоть года, дак я всё, женишына, да вот всё работаю да, всё у меня, всё через мои руки идёт, да сено ставлю, да овечек держу да... Всё, всё делаю <...>. Вот я так работаю-работаю», – всё себя подставля'т, – работаю так», ага. Злоупотребление местоимением я отражает и поговорка Я да я – бе'ла свинья: «Я купила». Так она пошто' я'кат-то? «Я да я» – бе'ла свинья.*

Не перебивай говорящего. Как ненормативное речевое поведение воспринимается стремление участника общения захватить инициативу в разговоре, не дослушивая других: *Она приходит [на именины без приглашения]. Ну горя мало, не объела бы, ну чё, пусь, посидела... То'ко чё не ндра'вится: кто чё заговорит – она тут и есь: всех перебива'т всё. «Вот! Вот...»; Не даёт никому слова сказать <...> всех перебива'т, всё одно и то же, всё, всё!; Н.Н. Щас он там у нас, в этом, ну, у меня на покосе... В.П. Ну, ты дай им [гостям] сказать-то, пошто' перебива'шь-то? Я не люблю, кода' перебивают.*

При необходимости вмешательства в речевую деятельность присутствующего (даже письменную) информант предупреждает его о нарушении нормы: *Катя! Я перебую тебя, там ты пишешь... А у тебя нету нигде там блату, в поши'вошной, нигде, ничё? Нету? Передают, там платья лёгки шьют...*

Не спорь с говорящим, настаивая на своем. Нарушение данного правила отражается в пословице *Дарья-дыра, тут и была*. Паремия осуждает того, кто вмешивается в разговор, настаивая на своей точке зрения как единственно верной.

Следуй общей теме разговора. В диалоге важно следование общей тематике беседы. Собеседник должен поддерживать начатую партнером тему, внося в нее посильный вклад: *В.П. Этот был у меня... М.А. [диалектологу:] Говорят, ши-ибко надо верить. Там [в книге про магию] не написано, ничё? А это, а там де-то надписано есть что... В.П. Ты про своё, я про своё! М.А. Ну ладно, не буду. В.П. Зоя была Рожкова у меня.*

Вариантом отклонения от этого правила можно считать постоянный переход одного из коммуникантов на тему, интересующую только его. Эту ситуацию вербализуют известные пословицы: *В.П. А у А'нне [сестры М.Л.] зажила грудь-то? Я всё про своё, вишивый всё про баню. Так и я. М.Л. Ну она тоже какой раз отдаёт, а...; В.П. А у меня от здесь от больно, и под мышкой, и суды'; Но-оет [нога], но-оет... Всё жалуюсь! Не могу тер-*

петь. Правда: у кого чё болит, тот про то и говорит. Думаю: никому не буду говорить. Чё, легче мне будет?

Несколько особняком в системе ПРП, связанных с этикетом, стоит представление диалектоносителя о нормативном поведении хозяина в присутствии гостя.

Ради разговора с гостем откладывай все дела. В традиционной народной культуре гость занимает важное место; в древности он рассматривается как «лицо, соединяющее сферы «своего» и «чужого», объект сакрализации и почитания, представитель «иногo» мира» [24. С. 531]. Принятие гостя представляет собой ритуал, включающий обмен приветствиями, расспросы, потчевание и другие компоненты. Особо ритуализированным является общение со званными гостями по торжественным поводам, однако в повседневной практике жителей сибирского села Вершинино основные его элементы в упрощенном виде соблюдались, по нашим наблюдениям, и при бытовых контактах односельчан. Вежливый прием гостей, по мнению информанта, предполагает максимальное внимание пришедшему с полным отказом от дел, которыми была занята хозяйка: *В.П. [пришла навестить подругу; та во время разговора почиает носки. Через некоторое время гостя говорит]: Ну пойдём, Катерина Вадимовна. Хозяйка гостям не рада. А я вот не люблю – кума, не обижайся на меня... Хоть обижайся, горя мало. У меня кто зайдёт – хоть я пряду либо чё, я сразу бросаю. Не люблю я. Чё... Чё, ты бы не починила бы? Поговорила бы, посидела, да и всё. М.А. Ну ладно [откладывает починку]. Не торопи'тесь.* Реализация правила подразумевает выбор между повседневной домашней работой и разговором с гостем в пользу общения как одной из ценностей народной культуры.

Ряд ПРП соотносится с категорией правдивости.

Г.П. Грайс в состав соотносимых с передачей информации постулатов включает максимум «не говори того, что считаешь ложным» [1]. Хотя понятие «правда» включает сему «информация», в русской культуре оно относится к ключевым концептам, связанным с нормами этики. В речевом кодексе диалектной языковой личности правдивость занимает важное место.

Говори правду. Лживость как нарушение нормы речевого поведения находит отражение в употребляемых информантом пословицах: *Да мужик-то не ши'бко самостоятельный, врёт. Скажет, где огонь, а там вода; В.П. Да она и наврёт, дак недорого возьмёт. Ей чё. А.П. «Какой-то, говорит, топором меня ударил по голове». В.П. Ага. [иронически:] И ты бы жила!*

Отражено в паремиях также неодобрительное отношение к таким разновидностям лжи, как похвальба тем, что обычно не соответствует действительности, и лицемерие.

Не преувеличивай своих мнимых достоинств, достатка. Недостоверность сообщаемых говорящим сведений часто связана с хвастовством. Как нарушение ПРП расценивается преувеличение заслуг – обычно мнимых (*В.П. Ишь, от у Аникиных был – зачем туды' потти' тебе?! Пожи-*

лому мушнына. А.М. Тётя Вера! Ну как я не зайду? Они там все молодёжь. <...> А я их... я их всех сборол. Ей-богу! Не веришь? <...> В.П. Не похвастоватъ, да не пожить!) либо достатка (Хвастливый, человек – нету [у него ничего], а он всё равно скажет, как вчара' Валя эта была. «Насолила [огурцы]». Да у ей ни черта' нету! Она прям... Только чё купит, дак пожру'т. Ничё нету. А вишь, как хва'стоват. Всё у ей много, и всё хоро'ше. Хвастливый с богатым в ряд).

Не одобряется в поговорке сам с усам похвальба мнимой самостоятельностью: *И не по'лоны [картошки], и не подбиты, так и трава, и всё. Море морем, ничё не будет. Я говорю: «Ты найми», говорю – я-то говорю. – «Я сам выполю!» Ага, и «сам», [иронически] вот тебе сам с усам!*

Если информант говорит о себе, упоминая какие-то положительные качества, им используется маркер *не хва'стоваю*, подчеркивающий правдивость высказывания: *Зубы хоро-оши были, густы', да бе'лы, не чистила никогда', а хоро'ши были, не хва'стоваю. Густя'иши, всё завидовали.*

Выражай свои чувства искренне, без притворства. В пословицах с иронией и неодобрением представлены проявления лицемерия: несоответствие слов человека его предпочтениям (*Противна нишшиму гривна! [Это вы про Гену?] Да. Гена [сказал]: «Бутылка проти'вна». Любит упива'ть тоже!*) и показная доброжелательность собеседника, с которой не соотносятся его поступки (*Соседка хвалит хозяйку гостям в её присутствии: А.Н. Она хоро'ша. Я никогда' её не ругаю. <...> В.П. [иронически] А за глаза костят, а в глаза лестя'т: Таня – пошла собирать это, деньги за коров. Я думаю: счас уж она обязательно мне дас [денег в долг]. <...> Да она сама подошла: «Тётя Вера, тётя Вера», так прям, ну – куды' там!.. Я думаю: ну, я'звы тебя, мягко стелешь, зёско спать будет. А я говорю это: «Таня, у тебя деньги есь? Дай мне сот пять, денег». – «Ой, тётя Вера, дала б, с удовольствием дала бы – нет»).*

Будь откровенен с близкими. В некоторых публикациях список ПРП включает предписание «не будь излишне откровенен» [7, 11], однако в нашем материале это правило имеет несколько иные акценты.

Откровенность речевого поведения тесно связана с правдивостью. По мнению диалектной языковой личности, общение предполагает возможность делиться с окружающими особенностями своего быта, отношений в семье и т.д. – в том числе и тогда, когда в этих сферах проявляются какие-то отклонения от стандартной нормы. Открытость такой информации для родни и подруг-односельчанок оценивается крестьянкой положительно как знак доверия близкому окружению: *Ну Володя тоже вот говорит... <...> ну, он про столо'ву говорит, он откровенный так. «Я, говорит, в столовой, зыт, питаюсь».* Питание женатого племянника в столовой не соответствует представлениям диалектоносительницы о традиционном семейном укладе, но о его речевом поведении она рассказывает с одобрительной интонацией. В разговорах с собирателем, воспринимаемым в качестве близкого человека, В.П. тоже делится подробностями собственной жизни. Признание в том, о чем обычно не совсем удобно, не принято говорить, марки-

руется фразеологизмом *чѣ/что греха таить*: *Да что греха таить, он кода' придѣт – бражонка-то была. Я возьму да из-под стола-то вытаишу – там как полочка, ему налью в кружечку; Ну, я в баню сходила – чѣ греха таить? Штанишек бы'ино четверо [нужно постирать], в баню сходила, – рубашонка, платышко, кофтѣнка, наволочку, простыни'шку сняла. <...> Замочила вечером. Заметим, что близкий круг общения в старожильческом селе значительно шире, чем в городском сообществе, за счет поддерживания связей с многочисленными кровными и некровными родственниками и активных контактов соседей на территории небольшого поселения.*

Противоположную оценку получает скрытность, утаивание каких-либо неприятностей от лиц из постоянного круга общения: [*Коля болеет?*] *Горло зажгло. У его ши'бка ноги болели. И щас болят у него. А он же такой скрытый – ой! Ничѣ не говорит; А Гутя говорит: «А Нина давно не живѣт» [с мужем]. <...> А но'нче, гыт, он запися, ит вина, гыт, с Вовкой [сыном Гутя] вместе в больнице лежали, лечился, гыт, там». Надо же... А она [мать Нины] даже виду не подала!; Я говорю: кака' же Таня скры'та-то! Я говорю: ну чѣ, ходит, прямо как свои же тут, всё равно – у меня [в]он и Гутя, и все, как мы свои все... Я говорю: ходим всё [друг к другу]... <...> Я говорю: Таня таит, что Агне'я-то... А'га что там [у себя] не живѣт.*

Рассматривая ментальные различия жителей городского и сельского социума, психологи и социологи отмечают, что социальное уединение и недоверие горожан противопоставляются открытости и доверию сельчан в традиционной культуре [25].

Выполняй то, что обещал. Как с правдивостью, так и с обманом может быть связано данное человеком обещание. В ряде паремий из пословичного фонда исследуемой языковой личности отражен значимый для нее принцип выполнения договоренности, соответствия слова и дела (*Я говорю: «Вот тебе разобрал печку – десять рублей, как [договаривались] – договор дорожке денег; А я это, режу [дрова], он: «Да не режь да не майся, тѣтя Вера, не майся! Не майся! Я от за'втре не приду, а послеза'втре приду» – правда, как словом, так и делом. Пришѣл, «и Галя, гыт, придѣт». И все мне их изрезал) и осуждение не выполняющих обещанного ([Пообещали выделить льготнику автомобиль.] *А ему фигу догнали да ешо дали. Никаких там льготных, никого; Сули'ха Недава'ся родна' сестра. Посулила – не дала. <...> Вот раньше Катерина Владимирова была – ну чѣ бы еѣ ни спроси, она обязательно не откажет. Ну хоть чѣ так посулит и не дас. Ну я уж не надеялась на неѣ никогда' больше).**

Сначала подумай о последствиях, потом говори. В ПРП обозначена соотнесенность слова не только с последующим делом, но и с предшествующей ему мыслью. Необдуманность речевых действий чревата негативными последствиями. Так, бездоказательное, нелепое обвинение может вызвать обиду адресата: *Аксинья мылась, мылась у меня в бане зимой, а потом и говорит: «Ты знаешь чѣ, дорога' товарка, я у тебя в бане заразилась. Сыть изде'лалась». Беда прямо с еѣ. Чѣ на уме, то и на языке. Из-*

лишнее откровенное сообщение в присутствии посторонних способно принести вред самому говорящему: *И вот, мы куда' поехали [в гости в другое село] <...> он [вор], мо'жетъ, и выжидал... <...> Я говорю: «Гуля-ать поехали, на Усть-Сосновку!» А мне только бы сказать «проводить поехала» ли чё ли, надо... простота хуже воровства! Это-то уж у меня есь – болтану'ть... Ага. А он, наверно, вылил воду [из бачка в огороде] да и утаишыл кому про'дал.* В последней из описанных информантом ситуаций видна соотнесенность с правилом откровенности: предписание открытости с близкими дополняется ее ограничением для посторонних, неблагонадежных людей.

2. Г.Р. Власян отмечает, что вежливость речевой коммуникации как особая коммуникативная стратегия способствует предотвращению конфликтных ситуаций [26]. Многие ПРП, соотносимые с категорией вежливости, действительно могут способствовать устранению конфронтации сторон. Однако в речи информанта есть не связанные напрямую с вежливостью правила, направленные на погашение уже начавшихся конфликтов или их ликвидации на предконфликтной стадии. Они связаны с такой ценностью, как **бесконфликтность сосуществования**, особенно значимой для сельского социума с частыми личными контактами жителей небольших деревень.

В ответ на нападки молчи. Эта рекомендация неоднократно фиксировалась и в спонтанной диалогической речи крестьянки (М.Л. *Вот, Ве'ронька, и ши'бко не поладили [с сестрой]. В.П. Разругались? М.Л. Ой, Вера! Ши'бко. В.П. Ну, а ты бы молчала; [Невестка жалуется на свекровь:] «Дак она на меня напада'т, напада'т всё время». Я говорю: «Ну, уж ты склоняйся как-нибудь, молчи да всё...»), и в упоминаемой ею пословице *Ти'хо молчанье – короткий ответ.**

Еще одно правило бесконфликтного речевого поведения подразумевает сохранение конфиденциальности сообщаемых фактов и оценок негативно-го характера.

Не передавай другим нечто плохое об общих знакомых, не называй источник такой информации. Прежде всего это правило проявляется в речи индивида, высказывающего собеседнику отрицательную информацию о человеке или людях, которые известны им обоим. Как правило, в доверительном разговоре он предостерегает при этом слушающего о нежелательности передачи таких сведений другим, используя клише *не в обсу'д / осу'д, не в перенос* и *между нами*: *Я вот это, думаю – правда, так уж, не в обсу'д, не в перенос, а... я-то прямо всё думаю: как это полу-ча'тся-то так? Ира жили с Володей – двое детей, квартирка была двух-ко'мнатка <...> Ну и вот, они разошлись. <...> Им же счас трёхко'мнату дали! Дак это де от, правда, справедливось? Де правда-то она? И вот мне-то не жалко, там не быть, и бог с имя, а... дак а кото'ры-то страдают, как с детьми, му'чутся-то как, живут-то, без квартир-то!; Наши [о родственнике] тоже где-то подпил, гыт, пришёл. Они же овечек про'дали. Ну, Физа, так уж, горя мало – не в перенос, конешино. Она*

[жена] бы купила ему, дала на бутылку, он бы и успокоился; Этот пил – с ума сошёл. <...> Здесь, Татьяна Лексе'вна сказывала [о ссоре суженого]. Прямо, гыт, это, говорит: [муж] руга'тся... ну не сообража'т тоже: «Я тебе не подпишу! Я любовнице дом подпишу!» Она [жена]: «Не зду'май подписывать!» – Валя-то тоже. Ой-ой, она прям тоже, как чёкнута. Между нами, конечно.

В случае, если говорящий считает необходимым предать огласке отрицательные факты, он также может обратиться с просьбой не упоминать его имя третьим лицам. Передающий эти сведения далее, в свою очередь, не называет их первоисточника: *А мне пришла Таня Сивохина: «Чё, Леночка ваша вза'муж идёт? А мне её жалко, – говорит. – Он такой пьянчужка!»* <...> Таня гыт: «На меня не говори. Сказать скажи гыт, мне её жалко, говорит, а он... у его таки' гыт есь заскоки, запои, гыт – не дай бог!». <...> *Ну так поговорила, а я взяла да ей [матери девушки] сказала. Она: «Кто тебе говорил, кто тебе говорил?» Я говорю: «Я забыла, не знаю, кто»*. Последний контекст показывает, что при выяснении матерью невесты источника данных о пьющем женихе В.П. сознательно нарушает норму правдивости ради предотвращения конфликта родственников и ее подруги-односельчанки.

3. Особое место в системе ПРП занимают речевые правила, связанные с **верованиями традиционной народной культуры** как одной из ее ценностей. Хотя исследуемая нами языковая личность выросла в семье верующих родителей, в зрелом возрасте следование многим религиозным обычаям сочеталось у нее с сомнением в существовании загробной жизни и скептическим отношением к суевериям. Тем не менее ряд суеверных представлений «наивной религии» зафиксирован в речевых правилах информанта: они сохраняются как дань передававшейся из поколения в поколение традиции, отражая описанную Л.Г. Гынгазовой укорененность коллективного религиозного знания в языковых формах [27].

В запретах и рекомендациях, соотносимых с этими правилами, тесно переплетаются христианские и языческие верования. Прежде всего они касаются умерших.

Нельзя говорить плохое об умерших. Это ПРП относится не только к славянам: оно существует в традициях и верованиях многих народов, у которых существовал культ предков с почитанием душ умерших. В христианстве злословие – большой грех: только Бог вправе судить о поступках ушедшего из жизни. Считается, что на протяжении сорока дней после смерти душа может посещать землю; если о человеке говорят плохо, она не сможет попасть в рай [28].

Комментарии относительно этого запрета отмечены в речи крестьянки только в случаях нарушения нормы. Сказав что-либо негативное о покойном, обвинив в чем-то или употребив в его адрес бранное слово, говорящий осознает свое прегрешение и использует формулы извинения, обращенные к Богу: *Пошто' он ей писал-то? Чёрт его знат, не знаю, прости ты меня Господи, грешницу: мёртвого обозвала; Он [отец] же у нас сер-*

дитый был. *А это... царство небесное, грех, поди, говорить, а я так говорю на него; А он же пил. Мо'жеть, и он [украл]. Не знаю. Конечно, грех на его говорить на мёртвого. Мо'жеть, и не он; В тридцать девятом году мы горели, всё [сгорел дом]. Дак вот Степана-то кода' ругаю (а так говорят, грех мёртвых ругать-то), он... пойду там плачу, он подойдёт уговариват, уговорит меня, чё-то... мы вдвоём пережили всё. В аналогичных ситуациях используется также выражение *не тем помянуть*, подразумевающее, что этическая норма требует вспоминать о хороших качествах ушедшего из жизни: *Мама <...> любила ходить лечить. Уйдёт, дома всё бросит, а хозяйство, да дети, – она уйдёт! Ей море по колено. Царство небе'сно ей. Не тем помянуть.**

Нельзя упоминать умерших перед наступлением ночи. Не рекомендуется говорить о покойном, когда заканчивается день. В народных представлениях славян дневная часть суток – время активной деятельности человека, ночь же принадлежит потусторонним существам, опасным для него, и потому приближение чужого, ночного времени налагает запрет на упоминание мертвых [29]. В этих случаях используется выражение *не к ночи помянуть*: *Тя'тя у нас аржано'й хлеб не любил, покойничек, царство ему небе'сно. Не к ночи помянуть; Зелёно сено, хоро'шие! Сметали. Вот Анна Петровна-то была, царство небе'сно, не к ночи, гыт, помянуть. Я её поминаю всё. <...> Она сразу на стог, така' ёмка была она.*

Нельзя разговаривать через порог. С культом умерших соотносится не только время, но и пространство. В архаических представлениях древних славян порог считался границей домашнего и чужого, местом пребывания предков и домашних духов. «Бытовой этикет и ритуалы при вступлении в дом или уходе из дома предполагают особое почитание порога. <...> Через порог с пришедшим не здороваются, не прощаются, не подают руки, не беседуют, не передают предметы...» [30. С. 173–174]. Следы этих верований сохраняются и в речевом поведении сибирской крестьянки: *К. [заглядывает в комнату, обращаясь к крестной матери:] Лёля! В.П. А? К. Куда это, мелкую картошку? В.П. Ну идите, зайди, чё, через порог нельзя разговаривать!*

Если хвалят детей или животных, используй оберег. Вера в сглаз («уро'к») – «вредоносное магическое воздействие на человека, его хозяйство, работу и скот посредством взгляда, слов похвалы, злых, завистливых мыслей и намерений», но иногда происходящее и без злого умысла [31. С. 597], по нашим наблюдениям, широко распространена среди жителей старожильческого села Вершинино и сейчас. Хотя диалектоносительница критиковала многие суеверия и суеверных людей, обереговые сигналы при потенциальной возможности сглаза в ее дискурсе встречаются регулярно. Она корректирует речевое поведение односельчанки, похвалившей маленького сына хозяйки (*А она приходит к нам. Ну, и... посидела-посидела: «Минька, а Минька?» – на Мишу. <...> «Какой хороший стаёт [сын], большой». Я говорю [с усмешкой]: «Тыпун тебе на язык. Ты чё, изуро'чишь!» Ну и поговорили, так посмеялись, всё...»); если в ее собствен-*

ной речи появляется похвала, звучит маркер опасности (*До'ма всё де'лат [сын племянника]. Он и корову может доить, и всё. [Работающий?] Ага, работающий, правда... не сглазить бы*) или междометие-оберег, сопровождаемое символическим жестом (*Коровка-то шла, кака' хоро'ша, краси'ва-то кака'. Тьфу-тьфу-тьфу [сплёвывает через левое плечо], не изуро'чить бы!*). Опасность сглаза, как можно видеть по примерам, касается прежде всего детей и домашних животных.

Говоря о чьей-либо серьезной болезни, используй оберег. Упоминание какой-либо серьезной болезни также расценивается говорящим как опасное для себя и окружающих и сопровождается обереговой формулой не к нам сказано: *Особенно-то как вроде бы горло у его [болит]. Я говорю: это же у нас у многих, не у нас, ну... у знакомых. То ли рак, то ли кто ли, горла. И то и... трубочки вставляют, не к нам сказано, я говорю: «Будешь шептаться!»; А потом из ар'мии пришёл, женился, потом пошто'-то стал толстеть. Прямо от такой стал! Ой! Соумали они это обреза'ть, жир. Тринадцать килограмм сре'зали, у его заражение пошло, и ногу отня'ли – о'споди, не к нам сказано! И... по'мер.*

4. Последняя из выделенных групп ПРП соотносится с такой ценностью традиционной культуры, как **речь**. Правила этой сферы касаются норм словоупотребления языковых единиц и выстраивания говорящим текста с позиций эффективности коммуникации.

Соблюдай языковые нормы. Метатекстовые показатели относительно языковых норм нельзя назвать высокочастотными в речи В.П. Вершининой, но они регулярно встречаются в ее высказываниях при оценке нарушений нормативного словоупотребления и в чужой, и в собственной речи. Так, ею отмечается избыточность словесного выражения (*А тепе'рича прие'зжают, а он мёртвый виси'тся на удавке. [Усмехается:] «Мёртвый виси'тся на удавке!» На удавке виси'тся, дак какой живой будет?*), неверный выбор лексемы (*А потом шла [односельчанка], ни'мо меня идёт: «Кона ставила, а он хра'пат». «Ржёт» надо сказать, а она «хра'пат». [Так не говорят?]* Ну говорят, дак хра'пат как уж редко, как испуга'тся кого-то. Так идёт, он никогда' не хра'пат), искаженное воспроизведение звуковой оболочки слова (*[Вспоминает раннее детство:] Едут из городу, кото'ры на теле'гав-то там. А я спрашиваю: «Тя'тю там нашего не на'лили?» «Не видали» [надо], а я «не на'лили»*).

Своеобразие реализации этого правила у диалектоносительницы проявляется в том, что она опирается прежде всего на представления об узусе своего родного говора, но при общении с собирателями обращает внимание и на осваиваемые ею литературные единицы. В таких случаях языковая личность уточняет их нормативное произношение или обозначение в кодифицированном языке: *А ей врачи сказали, у ей эти гиглоби'ны-то, я их называю неправильно, не могу я выговорить... Как их правильно? А это, у ей чё-то мало было; У меня есь мале'нько бутебро'дно [масло.] Как его правильно говорят?; Тоже дочка у ей гра'мотна, она преподаёт, только у ей таки' – как их называют? – стеби'льны, ли каки' ли? Дураки, в обизм и т.п.*

ПРП, отражающие ориентацию на логичность и информативность речевого общения, в дискурсивной практике диалектной языковой личности немногочисленны. Прежде всего они касаются логической стройности и завершенности повествования.

Рассказывай по порядку. Начав рассказывать не с самого начала, информант корректирует свое речевое поведение, возвращаясь к описанию завязки происшествия: *В общэм, Аксинья говорит... Ну, с краю уж [начну рассказ]. Овечек гнали, а к Владимиру Прокофичу забежала чужа' овечка...* Пословица предписывает также необходимость завершения начатого сообщения или разговора: «Ой, не знаю, сказать – не сказать тебе, тётя Вера?» – «Надсе'кла, дак отрубай!». Ведя развернутое повествование, говорящий иногда подчеркивает связи между отдельными его частями, если отвлекается от центральной темы рассказа: *Мне кажется, Катя, всё равно, это ничё не изде'лать счас с народом. Как уж они заставляют – или стали, может, кото'ры? Ну, кото'ры они и раньше ве'ровавши были, так и счас, тем на' руку, хорошо. Это, один зашёл у нас – и упивал он, и бабу, се'мью бросил свою, на Степановке взял жену, женился... [затем рассказывает подробнее о биографии односельчанина] <...> А теперь – вот я к чему разговор-то завела! А теперь боуу молится, лечит, как Кашиповский, он, всё... <...> Это, упива'ет тоже, упива'л, и всё, и за бабами бегал, а тепе'ри-ча такой боуомол! ой, даже и не знаю, какой, господи, ши'бко.*

Несколько правил связаны с информационной насыщенностью высказывания.

Поясняй неясное собеседнику. Исследуемая языковая личность, в лексиконе которой достаточно много диалектных слов и фразеологизмов, обычно не комментирует нелитературные единицы в присутствии носителей литературного языка, очевидно, считая их общепонятными: *По ходу речи мы-то понима'м друг друга.* Пояснения семантики языковых средств в спонтанной речи носителя диалекта встречаются только при некоторых устаревших лексемах – как областных, так и общерусских: *Наснуёшь та'мо-ка стену, «стена» называлась» – десять аршин [холста], это стена; Дак они [пряники], поди, были, нет ли мя'жки-то? От есть поскрёбыши, как раньше называли – ква'иню выскребут, да поскрёбный калачик испекётся – раскусить нельзя!; А раньше-то ведь это фунты были, четыреста граммов фунт.*

Не повторяй уже сказанного. При оценке содержания речи как нарушение нормы информативности говорящим расцениваются содержательные повторы. Такие случаи единичны: *Н.Н. Здорово. А чё за яшишк там? В.П. Ты вчара' спрашивал, сёдня опе'ть спрашивашь. <...> А это... соолнышко позавчара' было! Я взяла яшишк, думаю: хоть посижу... да села [около дома]. Ну и мале'нько посидела.*

Говори определенно. В отдельных примерах слушающий обращает внимание на отсутствие точности, определенности высказывания партнера: *В.П. Жирная [свинина], не рубил так? Н.Н. Ну-у... В.П. Ну чё ны'кашь-то? Ну, жирный, ли не жирный? Ну так, кажется, жирный. [Передразнивает:] «Ны-ы...»*

Таким образом, дискурсивные материалы диалектной языковой личности демонстрируют наличие развернутой системы правил речевого поведения.

Ядерную зону этой системы составляют правила, соотносимые с базовыми нормами морали. В целом они близки к постулатам, которые отражены в Правилах прагматической компетенции Р. Лакофф и Принципа вежливости Дж. Лича, но более детализированы и высокочастотны в метаязыковой рефлексии носителя говора. Периферию кодекса занимают правила, касающиеся логичности и информативности речи. Обращает на себя внимание отсутствие у диалектоносительницы некоторых правил, выявленных Т.В. Шмелевой с опорой на художественные и публицистические тексты («не сообщай банального», «избегай штампов», «говори точно, стремясь найти единственно верные слова») [7. С. 76]. Очевидно, что высокий уровень информативности, логичности и оригинальности речи коммуникантов неактуален для устного бытового общения в целом и диалектного дискурса в частности.

К специфике ПРП носителя сибирского старожильского говора можно отнести: норму открытости личной сферы для людей из близкого круга общения (не ограничиваемого только семьей), ориентацию на бесконфликтность коммуникации, следование языковым нормам своего говора и традициям народных верований.

Выявленные правила, вероятно, имеют индивидуальные акценты. Вместе с тем совпадение многих языковых и ментальных черт языковой личности В.П. Вершининой с чертами, отмечаемыми у диалектоносителей разных регионов (см. детальнее [32]), позволяет предполагать, что речевой кодекс традиционной народно-речевой культуры имеет много общего с системой ПРП сибирской крестьянки.

Литература

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 208–228.
2. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 276–306.
3. Lakoff R.T. Language in Context // Language. 1972. Vol. 48, № 4. P. 907–927.
4. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London : Longman, 1983. 250 p.
5. Рождественский Ю.В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремнологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст). М., 1978. С. 211–230.
6. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41, № 4. С. 327–33.
7. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.
8. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М. : Высшая школа, 1989. 159 с.
9. Азнабаева Л.А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 46 с.

10. *Сперанская А.Н.* Правила речевого поведения в русских поговорках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 21 с.
11. *Гынгазова Л.Г.* Кодекс речевого поведения в пословицах и поговорках В.И. Даля // Православие и Россия: канун третьего тысячелетия : материалы Духовно-исторических чтений. Томск, 2000. С. 57–59.
12. *Шумарина М.Р.* «Народная лингвистика» в русских пословицах и поговорках // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 98–101.
13. *Крючкова О.Ю.* Оценки речи как выражение специфики народного речевого сознания. URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/ocenki.html> (дата обращения: 27.08.2021).
14. *Юрченко С.А.* Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук Волгоград, 2008. 24 с.
15. *Лагута Н.В.* Размышления о языке в речи носителей диалекта // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 107–124.
16. *Гольдин В.Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М. : Наука, 2002. С. 58–64.
17. *Красовская Н.А.* Языковой ландшафт: возможные подходы к использованию термина // 2-е Милоновские краеведческие чтения, Тула, 18 октября 2018 г. Тула, 2020. С. 36–39.
18. *Иванцова Е.В., Соломина Е.В.* Об эффективных методах записи спонтанной устной речи при изучении языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3(29). С. 14–27.
19. *Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 3–42.
20. *Иванцова Е.В.* Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово ; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 321–356.
21. *Федорова Т.В.* Семантика вежливости и средства ее выражения в современном русском языке (на материале произведений современной драматургии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 18 с.
22. *Крылова Т.В.* Понятие деликатности и такта в русском языке и наивно-языковые представления о негативной вежливости // Доклады международной конференции Диалог-2004. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/krylova/ponyatiya%20delikatnosti%20-%20krylova%202004.pdf> (дата обращения: 03.09.2021).
23. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1991. Т. 4. 684 с.
24. *Агапкина Т.А., Невская А.Г.* Гость // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 531–533.
25. *Козырева М.П.* Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.
26. *Власян Г.Р.* Различные подходы к определению лингвистической вежливости // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3. С. 29–39.
27. *Гынгазова Л.Г.* Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 158–165.
28. Эдем. URL: <https://edemrs.com/pochemu-o-pokojnikah-ne-otzyvayutsya-ploho-istoki-obychaya/> (дата обращения: 10.09.2021).
29. *Раденкович Любинко.* Опасное время в народных представлениях славян. URL: <http://book.lib-i.ru/25kulturologiya/566313-1-lyubinko-radenkovich-institut-balkanistik-sanibelgrad-opasnoe-vremya-narodnih-predstavleniyah.php> (дата обращения: 10.09.2021).
30. *Плотникова А.А.* Порог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М., 2009. Т. 4. С. 173–177.

31. Левкиевская Е.Е. Сглаз // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М., 2009. Т. 4. С. 597–602.

32. Иванцова Е.В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпилюной. М., 2014. С. 308–347.

The Rules of a Dialect Language Personality's Speech Behavior as a Component of the Siberian Old-Resident Village Languagescape

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 61–80. DOI: 10.17223/19986645/74/4

Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivantsova@yandex.ru

Keywords: speech behavior, communication norms, Russian dialects of Siberia, folk speech culture, languagescape, dialect language personality.

The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The article is dedicated to the research of the speech behavior rules in dialect language personalities' everyday living communication. The speech code was reconstructed by the materials of a dialect language personality's discourse practice. The author's tape recording archives of the spontaneous speech of a typical representative of an old-resident Middle-Ob village (a peasant woman) were used as the source in the research. The communication rules were identified based on the metatext fragments of the speaker's discourse. The rules reflect the speaker's reaction to the breaking of non-written communication standards. Proverbs and proverbial phrases of the speaker's paremiological "fund" were also employed. The speech behavior standards are more often verbalized as "anti-norms" based on which researchers shape their ideas of norms. The analysis shows that the speaker's discourse data demonstrate an extended system of speech behavior rules. All these rules, directly or indirectly, correlate with basic values of traditional folk culture. These are the standards of morality (politeness, benevolence, tact, modesty, honesty, frankness, obligatory keeping of promises, deliberate speech actions); non-conflict existence; adherence to the traditional culture's beliefs (cult of the dead, belief in the "evil eye"); and speech (observance of dialect rules, logical symmetry, and completeness and informativeness of narration). The revealed rules are realized via language means, speech strategies and tactics of the dialect speaker. The nuclear zone of the system of the rules correlates with norms of ethics. They are close to the standards reflected in Robin Lakoff's rules of pragmatic competence and Geoffrey Leech's politeness principle, but more detailed and frequent in the dialect speaker's metalanguage reflection. The rules of logicity and information richness are at the periphery of the system. The author observes an absence of some rules that function in fiction and journalistic texts ("avoid commonplaces"; "avoid cliches"; "speak clearly, only with correct words") in the dialect speaker's communication. Obviously, such rules are irrelevant for verbal everyday communication generally and dialect discourse in particular. The specificity of the Siberian old-resident dialect speaker's rules consists in: the openness of the private life for people from the close communication circle (not limited by family only); the orientation on non-conflict communication; adherence to the local dialect norms and traditions of folk beliefs. The revealed rules probably have individual features. At the same time, the coincidence of a concrete person's many language and mental traits with traits noted in dialect speakers of different regions allows suggesting that the system of the Siberian peasant woman's speech behavior rules has much in common with the traditional folk speech culture code.

References

1. Grice, G.P. (1985) *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and speech communication]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress. pp. 208–228.

2. Gordon, D. & Lakoff, G. (1985) Postulaty rechevogo obshcheniya [Conversational postulates]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16 Moscow: Progress. pp. 276–306.
3. Lakoff, R.T. (1972) Language in Context. *Language*. 48 (4). pp. 907–927.
4. Leech, G.N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
5. Rozhdestvenskiy, Yu.V. (1978) O pravilakh vedeniya rechi po dannym poslovits i pogovorok [On the rules of speaking according to the data of proverbs and sayings]. In: Permyakov, G.L. *Paremiologicheskii sbornik: poslovitsa, zagadka (struktura, smysl, tekst)* [Paremiological collection: proverb, riddle (structure, meaning, text)]. Moscow: Nauka. pp. 211–230.
6. Dem'yankov, V.Z. (1982) Konventsii, pravila i strategii obshcheniya: (Interpretiruyushchiy podkhod k argumentatsii) [Communication conventions, rules, and strategies: (An interpretive approach to argumentation)]. *Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 41 (4). pp. 327–33.
7. Shmeleva, T.V. (1983) Kodeks rechevogo povedeniya [Code of Speech Behavior]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 72–77.
8. Formanovskaya, N.I. (1989) *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya* [Speech etiquette and communication culture]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Aznabaeva, L.A. (1999) *Printsipy rechevogo povedeniya adresata v konventsional'nom obshchenii* [Principles of the recipient's speech behavior in conventional communication]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Speranskaya, A.N. (1999) *Pravila rechevogo povedeniya v russkikh paremiyakh* [Rules of speech behavior in Russian proverbs]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
11. Gyngazova, L.G. (2000) [Code of speech behavior in proverbs and sayings of V.I. Dahl]. *Pravoslavie i Rossiya: kanun tret'ego tysyacheletiya: materialy Dukhovno-istoricheskikh chteniy* [Orthodoxy and Russia: The eve of the third millennium]. Proceedings of the Spiritual and Historical Readings. Tomsk. pp. 57–59. (In Russian).
12. Shumarina, M.R. (2014) “Narodnaya lingvistika” v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [“Folk linguistics” in Russian proverbs and sayings]. *Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta*. 77. pp. 98–101.
13. Kryuchkova, O.Yu. (2021) *Otsenki rechi kak vyrazhenie spetsifiki narodnogo rechevogo soznaniya* [Evaluations of speech as an expression of the specifics of people's speech consciousness]. [Online] Available from: <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/ocenki.html> (Accessed: 27.08.2021).
14. Yurchenko, S.A. (2008) *Rech' kak bazovaya tsennost' v yazykovom soznanii donsogo kazachestva (na materiale donskikh kazach'ikh govorov)* [Speech as a basic value in the linguistic consciousness of the Don Cossacks (based on the Don Cossack dialects)]. Abstract of Philology Cand. Diss Volgograd.
15. Laguta, N.V. (2013) Razmyshleniya o yazyke v rechi nositeley dialekta [Reflections on language in the speech of dialect speakers]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh*. 10. pp. 107–124.
16. Gol'din, V.E. (2002) Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of traditional rural culture of speech communication]. In: *Avanesovskiy sbornik* [Avanesov collection]. Moscow: Nauka. pp. 58–64.
17. Krasovskaya, N.A. (2020) Yazykovoy landschaft: vozmozhnye podkhody k ispol'zovaniyu termina [Language landscape: possible approaches to the use of the term]. In: Romanov, D.A. & Safonova, T.V. (eds) *2-ye Milonovskie kraevedcheskie chteniya* [2nd Milonov local history readings]. Tula, October 18, 2018. Tula: Tula State Pedagogical University. pp. 36–39.
18. Ivantsova, E.V. & Solomina, E.V. (2014) On the Effective Methods of Recording Spontaneous Speech in Language Personality Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (29). pp. 14–27. (In Russian).

19. Arutyunova, N.D. & Paducheva, E.V. (1985) Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Origins, problems, and categories of pragmatics]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress. pp. 3–42.
20. Ivantsova, E.V. (2009) Metazykovoe soznanie dialektnoy yazykovoy lichnosti [Metalinguistic consciousness of a dialect language personality]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]. Part 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 321–356.
21. Fedorova, T.V. (2004) *Semantika vezhливости i sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke (na materiale proizvedeniy sovremennoy dramaturgii)* [The Semantics of Politeness and Means of Its Expression in the Modern Russian Language (Based on the Works of Modern Drama)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kaliningrad.
22. Krylova, T.V. (2004) Ponyatie delikatnosti i takta v russkom yazyke i naivno-yazykovye predstavleniya o negativnoy vezhливости [The concept of delicacy and tact in the Russian language and naive-linguistic ideas about negative politeness]. *Dialog 2004*. [Online] Available from: <http://www.ruslang.ru/doc/krylova/ponyatiya%20delikatnosti%20-%20krylova%202004.pdf> (Accessed: 03.09.2021).
23. Dal', V.I. (1991) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
24. Agapkina, T.A. & Nevskaya, A.G. (1995) Gost' [Guest]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskoe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 531–533.
25. Kozyreva, M.P. (2009) Mezhlichnostnoe doverie v kontekste formirovaniya sotsial'nogo kapitala [Interpersonal trust in the context of the formation of social capital]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 43–54.
26. Vlasyan, G.R. (2010) Razlichnye podkhody k opredeleniyu lingvisticheskoy vezhливости [Different approaches to the definition of linguistic politeness]. *Vestnik Nizhnevarotvorskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 3. pp. 29–39.
27. Gyngazova, L.G. (2005) [Picture of the world of the language personality of the dialect speaker: naive religion]. *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and society in synchrony and diachrony]. Proceedings of the International Conference. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 158–165. (In Russian).
28. Edem. (2021) *Pochemu o pokojnikakh ne otzyvayutsya plokho: istoki obychaya* [Why they never speak ill of the dead: the origins of the custom]. [Online] Available from: <https://edemrs.com/pochemu-o-pokojnikakh-ne-otzyvayutsya-ploho-istoki-obychaya/> (Accessed: 10.09.2021).
29. Radenkovich, L. (2021) *Opasnoe vremya v narodnykh predstavleniyakh slavyan* [Dangerous time in the folk ideas of the Slavs]. [Online] Available from: <http://book.lib-i.ru/25kulturologiya/566313-1-lyubinko-radenkovich-institut-balkanistiki-sani-belgrad-opasnoe-vremya-narodnih-predstavleniyah.php> (Accessed: 10.09.2021).
30. Plotnikova, A.A. (2009) Porog [Threshold]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskoe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 173–177.
31. Levkievskaya, E.E. (2009) Sglaz [Evil Eye]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskoe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 597–602.
32. Ivantsova, E.V. (2014) Issledovanie tipologicheskikh chert dialektnoy yazykovoy lichnosti [Study of the typological features of a dialect language personality]. In: Golev, N.D. & Shpil'naya, N.N. (eds) *Yazykovaya lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language personality: Modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology]. Part 1. Moscow: LENAND. pp. 308–347.